

Текст · 23 августа 2021, 07:57

Александр Бородихин,

Язык программирования Xi. Как компартия Китая зачищает IT-сектор

План

«Период 14-го пятилетнего плана (2021-2025 годы) — это первые пять лет после достижения первой столетней цели, а именно полного построения среднезажиточного общества в Китае», — [перепечатывает](#) «Российская газета» статью коллег из официальной китайской «Жэньминь жибао».

Перевода самого плана пятилетки на русский язык в открытых источниках нет, но есть [англоязычная версия](#). В ней объясняется, как именно Китай собирается переходить от уже достигнутого «общества среднего достатка», «сяокан»^[1], к идеальному «обществу великой гармонии».

Термины «пятилетний план» или «пятилетка» хорошо знакомы из советской истории — Китай, копируя СССР, взял такое планирование за основу развития экономики. Как и в оригинале, сначала в них указывались конкретные нормы производства: столько-то зерна, столько-то чугуна, столько-то угля.

Но уже в 80-х рыночные аспекты новой экономической модели потеснили централизованное планирование — на смену пришли акценты и направления развития. Предыдущий, 13-й

план, требовал развития инноваций, новый, 14-й, продолжает эту тему.

Приоритетами объявлены создание собственных уникальных разработок — например, создание конкурентоспособных процессоров и полупроводников^[2], инновации в области искусственного интеллекта и биотехнологий, а также «зеленая» экономика.

Цитата из нового пятилетнего плана:

«Мы сформулируем программу действий по превращению в научно-техническую сверхдержаву, улучшим структуры для использования национального потенциала в условиях социалистической рыночной экономики, будем успешно вести жесткую борьбу за ключевые и базовые технологии, повысим общую эффективность инновационной цепочки.

Мы усилим экономический надзор за интернет-платформами в соответствии с законами и регуляциями, уточним позиционирование платформ и правила их регулирования, усовершенствуем законы и правила, касающиеся выявления монополий, и будем бороться с монополиями и недобросовестной конкуренцией».

2020 год стал для Китая одновременно и кризисным, и оптимистичным: вспышку *COVID-19* удалось подавить быстрее, чем в других странах, и экономика КНР — единственная из крупнейших в мире — **показала рост**. План 14-й пятилетки приняли в марте,

а уже летом китайские власти начали масштабную зачистку ИТ-отрасли.

Джек Ма на праздновании 20-летия Alibaba Group. Фото: Imaginechina / AP

Удар

Первой жертвой чисток пал основатель *Alibaba Group* миллиардер Джек Ма. Осенью 2020 года его финтех-компания *Ant Group*^[3] собиралась провести крупнейшее IPO в мире и привлечь 34,5 млрд долларов сразу на двух биржах.

Планы сорвались за два дня до размещения: *Ant Group* давно привлекала внимание китайских регуляторов, потому что фактически развивала бизнес в обход правил, установленных для банков, а буквально перед IPO Ма имел неосторожность резко раскритиковать китайскую финансовую систему.

После этого выход *Ant Group* на биржи отменился и не произошел до сих пор, ее структуру поменяли в интересах стабильности банковской системы, а

сам Ма пропал на три месяца и с тех пор так и не вернулся к привычному имиджу эпатажного бизнесмена-рок-звезды.

На этом злоключения не закончились: корпорацию *Alibaba* оштрафовали на 2,8 млрд долларов за нарушения антимонопольного законодательства, ее браузер выбросили из эппсторов, а самого Ма потеснили с поста главы основанной им же бизнес-школы.

Весной — следующий шаг: Пекин **ввел** масштабные ограничения на торговлю криптовалютами. Их объявили слишком волатильными и не поддержанными реальной стоимостью, а транзакции — не защищенными китайским законодательством.

Источник *Bloomberg* **рассказывал**, что еще одной причиной гонений на криптовалюты стало беспокойство Пекина по поводу роста энергопотребления: из-за спроса на электричество для майнинга угольные компании расконсервировали часть старых шахт без разрешения партийного руководства, что повысило опасность работ и поставило под угрозу достижение «зеленых» приоритетов Китая.

«Нельзя терять время в борьбе со спекуляциями виртуальными валютами», — **нагнетала** официальная пресса, пока в регионах вводили запреты на майнинг. Все это происходило на фоне продвижения государственного цифрового юаня в качестве «надежной» альтернативы.

Далее начался полномасштабный процесс реформирования ИТ-рынка. Крупнейший сервис заказа такси *DiDi* удалили из аппсторов и начали расследование о сборе данных о пассажирах на фоне IPO в США, успешный рынок онлайн-образования обрушили штрафами и запретами на прибыль, владельца суперпопулярного мессенджера *WeChat*, медиагиганта *Tencent* оштрафовали за контент и вынудили отказаться от эксклюзивных прав на музыку, крупнейшую фирму по доставке еды *Meituan* припугнули антимонопольным расследованием и тоже оштрафовали; топ-менеджеров вызывают на ковер, чтобы разъяснить необходимость соблюдения нового закона о хранении пользовательских данных в Китае.

Теперь настала очередь геймеров — и снова возвращаемся к *Tencent*. В начале августа акции крупнейшего производителя видеоигр в Китае рухнули после того, как издание из государственного медиахолдинга «Синьхуа» раскритиковало зависимость от онлайн-игр — «духовного опиума». В *Tencent* немедленно пообещали ограничить время, которое пользователи смогут проводить в играх, и запретить доступ несовершеннолетним.

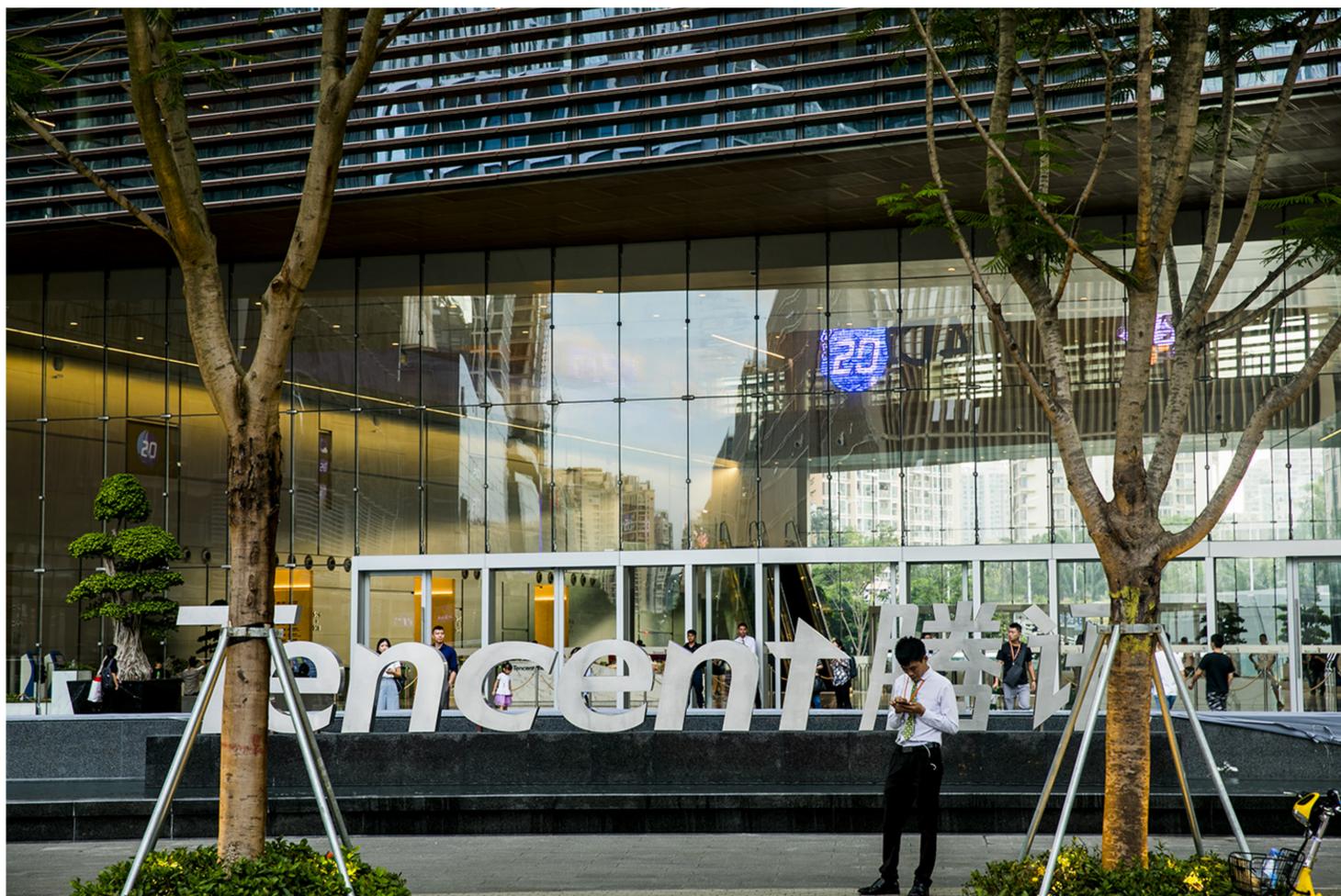

Фото: Imaginechina / AP

После геймеров пришли за тиктокерами: партийная газета «Жэньминь жибао» **обвинила** онлайн видеоплатформы в негативном влиянии на молодежь, которая чересчур серьезное внимание уделяет жизни звезд. «Экстремальная культура погони за айдолами^[4] многократно проверяла границы закона и морали», — заключила Центральная комиссия по проверке дисциплины, главного органа партии по борьбе с коррупцией; акции сервиса *Kuaishou* рухнули, и компания **отказалась** от соперничества с *TikTok* за американский рынок. Разработчики *TikTok* из *ByteDance* планы по выходу на IPO **приостановили** после предупреждения из Пекина.

Гонконгский философ Юк Хуэй в своем «Эссе о космотехнике» указывает на странную ситуацию, в которой современный Китай оказался, двигаясь по «западному» пути развития. Поражение

в Опиумных войнах XIX века, приведшее к колонизации Китая и ставшее катастрофой для китайского самосознания, было истолковано как следствие технологического отставания от Запада.

Придя к власти, Коммунистическая партия последовательно проводила курс на модернизацию — и вот, когда технологическое отставание объективно преодолено, о победе говорить сложно.

«Попытка сохранить разграничение между [принципиально важным для традиционного китайского общества] мыслящим разумом и технологическим инструментом оказалась провальной», — констатирует философ.

Там, где Хуэй видит конфликт, культурный теоретик Бюн Чоль Хан [предлагает](#) другую перспективу. Хан исследует шаньчжай — концепцию, описывающую вездесущие «китайские подделки» как жизненный подход, базирующийся на игривом и творческом отношении к оригиналу и авторству.

«В Китае маоизм сам по себе был разновидностью шаньчжай-марксизма, — рассуждает он.

— В своей способности к гибридизации китайский коммунизм сейчас трансформируется в турбокапитализм. Китайцы явно не видят противоречий между капитализмом и марксизмом. В самом деле, противоречие — совсем не китайская концепция. Китайская мысль больше склоняется к "и то, и другое", чем к "или-или"».

Что вообще?

Западные издания описывают происходящее с удивлением, но сходятся в оценке: Си Цзиньпин пытается поставить на место резко разбогатевшие технологические компании, чтобы не позволить им конкурировать с партией за власть в каких-то отраслях общественной жизни или угрожать экономической стабильности — особенно это важно на фоне торговой войны с США, когда IPO на американских биржах рассматриваются как угроза национальной безопасности.

В 2015 году Коммунистическая партия Китая представила десятилетний стратегический план Made in China 2025, суть которого заключалась в масштабном реформировании промышленности: переходе от массового производства дешевых товаров для зарубежных компаний к развитию технологически сложных промышленных цепочек и независимости от зарубежных поставок стратегически важных материалов. Этот план пересекается с принятым в России в 2014 году курсом на импортозамещение ключевых товаров и технологий.

Затем пост президента США занял бизнесмен Дональд Трамп, который еще с 80-х годов призывал к введению специальных пошлин на импорт товаров из Китая, чтобы вернуть американским производителям конкурентное преимущество. В ходе предвыборной кампании Трамп также делал акцент на протекционизме, критикуя сложившиеся с Китаем торговые отношения как причиняющие ущерб США.

За дело Трамп взялся в 2018 году, установив пошлины на ввоз из Китая разнообразных электронных и промышленных товаров, [написав в твиттере](#), что «торговые войны — это хорошо, в них легко можно побеждать». Еще через год Трамп ввел санкции против крупнейшего производителя телекоммуникационного оборудования Huawei, который сочли слишком сильно интегрированным с властями Китая, что может представлять угрозу: именно Huawei считается основным потенциальным поставщиком оборудования для сетей 5G. Наконец, при Трампе США также [запретили](#) поставки процессоров Huawei без специальной лицензии за «причастность к действиям, идущим вразрез с национальной безопасностью и интересами внешней политики Соединенных Штатов».

При этом фактически единственным успехом этой политики оказалось обещание Пекина ужесточить законодательство в сфере интеллектуальной собственности — впрочем, как [заключает](#) Bloomberg, развитие собственных технологий опять же в интересах Китая. «Пока основным следствием действий США стало усиление стремления Пекина к технологической самодостаточности», — отмечало издание в январе.

Демократ Джо Байден, сменивший Трампа на посту президента, отказался от воинственной риторики, но не стал отменять пошлины и продолжил противостояние в менее публичном формате: например, [помешав](#) приобретению небольшой южнокорейской компании по производству полупроводников Magnachip,

контроль над которой хотел установить китайский инвестфонд.

Часть аналитиков отмечает, что нынешнюю кампанию можно рассматривать как желание Пекина разобраться с насущными проблемами, с которыми не могут решительно справиться на Западе (с неравенством, монополиями, зависимостью от видеоигр) до того, как они станут проблемами политическими.

На этом фоне Коммунистическая партия объявляет о планах еще усилить регулирование в области национальной безопасности, высоких технологий и монополий. Изменения коснутся различных отраслей — от производства продуктов питания и лекарств до биг даты и искусственного интеллекта.

«Растущий запрос на лучшую жизнь ставит перед нами новые, более высокие требования к построению правового государства, — поясняют в ЦК КПК. — Оно должно учитывать ситуацию в целом, рассчитывать долгосрочную перспективу, исправлять недостатки, идти вперед и продвигать строительство правового государства на новый уровень в новую эпоху».

Редактор: Дмитрий Трещанин

1. Дословно: «Небольшое благосостояние».
2. Китай серьезно зависит от импорта полупроводников, причем лидеры мирового рынка базируются на Тайване и ориентируются на поставки в США, что для Пекина политически очень неудобно.

3. Контролирует платежную систему Alipay и занимается микрокредитованием.

4. Айдолами в восточных поп-культурах называют суперзвезд нового поколения.